

КОМАНДИРОВКА ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Среди экспонатов витебского музея воинов-интернационалистов за стеклом витрины хранится летная книжка старшего лейтенанта Виктора Дольникова. С фотографии смотрят глаза усталого человека, которому никак не дашь 24 года. Вот сейчас «технари» осмотрят его боевую машину, подвезят боекомплект – и «вертушка» снова уйдет в огонь афганской войны. Как отличается это выжженное солнцем небо, прошитое трассами крупнокалиберных пулеметов и прочерченное дымными штрихами «стингеров» от голубого простора, в котором он учился летать!

После окончания в 1976 году Рубовской средней школы Виктор два года учился на вертолетчика, какое-то время работал на ПО «Доломит». Но страсть к небу взяла свое, и в 1980 году он поступает на офицерские курсы при Сызранском высшем военном летном училище, где получает профессию штурмана. Здесь он осваивает новейший по тем временам боевой вертолет Ми-24. Помимо ракетного и пушечного вооружения, эта машина могла перевозить восемь десантников или полторы тонны груза; экипаж состоял из трех человек: пилота, штурмана и бортмеханика. По своей огневой мощи Ми-24 превосходил прославленный штурмовик Ил-2, и неспроста афганские моджахеды прозвали его «шайтан-арба»...

После училища Виктор получил направление на Украину, откуда, еще даже не дав обустроиться, его отправили в Афганистан. Это было в начале восьмидесятых, когда бои достигли небывалого ожесточения. Вертолетчики совершали в день по несколько вылетов, работая по караванам с оружием, по укрепрайонам, сопровождая наши автоколонны, прикрывая друзей-десантников. «За речкой» шла самая настоящая война, а в прессе рассказывалось о том, как советские солдаты доставляют в отдаленные кишлаки продовольствие и оказывают страждущим медицинскую помощь, только своим присутствием укрепляя здесь мир и спокойствие. Да, имело место и это, но главным делом все же была война.

– В последний раз Витя приезжал домой незадолго до своей гибели, – рассказывает его сестра Любовь Хашковская. – Они перегоняли свои «вертушки» в Ташкент на ремонт, и у него получился отпуск в десять суток. Дни эти пролетели мгновенно, и скоро ему надо было уезжать.

«Попрощаемся дома, на перроне трудно расставаться», – сказал Витя родителям. Но я все-таки приехала к поезду. Его провожала до Минска беременная жена Рая. «Ну зачем ты приехала?» – расстроился он. «Хотела тебя еще раз увидеть», – отвечала я. «Ну, в последний раз видимся», – сказал Витя. «Что ты говоришь, тебе осталось там несколько месяцев. Летом вернешься»...

Друзья рассказывали, что в тот день их подняли в три часа утра – в ущелье возле Баграма душманы окружили наших десантников: шел сильный бой, и надо было выручать ребят. «Вертушки» отработали по целям, заправились и снова ушли в небо. Десантники передали в эфир: «По ведущему ведет огонь «стингер». Витя ответил: «Сейчас начнем работать». Но когда вертолет появился из-за облака пыли, ему в хвост попала ракета. Машина перевернулась в воздухе. Командир приказал прыгать и выбросился за борт с парашютом. Десантники рассказывали, что пулемет штурмана работал до конца. Вместе с Виктором погиб тяжелораненый бортмеханик из Брестской области. А командир в это время снижался под куполом парашюта прямо в лапы к «воинам аллаха», стреляя по ним из автомата. Десантники и вертолетчики пытались отсечь их огнем от летчика, но те навалились на него кучей.

Славно подстегнутые гибелью товарищей, вертолетчики устроили настоящую охоту за «духами», и мало кому из моджахедов удалось выйти из этого боя живыми. Через трое суток, когда ущелье было занято нашими войсками, тело Виктора нашли в двадцати метрах от разбитого самолета. Смерть командира была страшнее – его изуродованный труп обменяли на пленных моджахедов.

– Тогда Витя явился ко мне во сне, – продолжает Любовь Алексеевна. – Будто я иду по залитой ярким солнцем долине. Вдруг появляется Витя и спрашивает меня о жене, о дочери –

какая она, Юленька. «Подожди, Витя, сейчас ты ее увидишь». Но он ответил так тяжело «Не могу»... И ушел.

В письмах домой он писал: «Скоро «работы» прибавится, а «работать» не хочется...» Телеграммы в те края на почте не принимали, и весть о рождении дочери он получил из письма. Он хотел, чтобы родилась дочь, хотел назвать Юлией. Так и случилось. Но фотографии дочери он получить не успел. В последний свой день Витя не пошел в кино, куда звали его друзья, хотел побыть один. В этот вечер он написал последние письма домой. Сестра Антонина получила его письмо после похорон, в котором он обещал, что вернется домой числа 20 июня. Матери он тоже прислал весточку, что приедет с друзьями, чтобы отпраздновать день рождения Юлечки. Но 5 июня Витя погиб... Отца вызвали в военкомат и сообщили ему об этом. Нам папа ничего не сказал – носил все в себе, пока не привезли сына в цинковом гробу.

Похоронен Виктор в Рубе. Рядом могила его отца, сердце которого долго не выдержало. На кладбище почти каждый день ходит мать. Ей так и не верится, что Вити нет в живых...

А Юле Дольниковой теперь 20 лет. Она студентка второго курса медицинского университета.

Четырнадцать лет минуло с того дня, как по мосту через Аму-Дарью из Афганистана в Союз прогрозотала последняя советская бронеколонна. Из 620 тысяч советских солдат и офицеров, прошедших сквозь огонь той, уже полузабытой войны, погибло 15 тысяч человек. «За что мы там сражались?» – задавали себе вопрос вернувшиеся и не находили ответа. Нужно было пройти через развал СССР и межнациональные распри, чтобы понять – великая армия великой державы вела войну во имя своих национальных интересов.

Владимир КОСТЮКЕВИЧ